

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

О.А. Теуш

ОБЩИЙ ФОНД ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ, КОМИ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Географическая терминология является одной из базовых лексических групп для диалектов Русского Севера (Архангельской и Вологодской областей). В общей сложности в настоящий момент зафиксировано несколько тысяч лексем, обозначающих объекты физической географии, в том числе несколько сотен заимствований. Характерной чертой многих севернорусских географических терминов является их высокая способность к миграции не только в другие русские диалекты, но и в другие языки региона. Наряду с этим в говорах Русского Севера представлено достаточно много лексем, пришедших из языков народов-соседей. Результатом языковых контактов на Европейском Севере России стало возникновение фонда общих для нескольких языков территории географических терминов. В данной статье рассматриваются те из них, которые имеют нерусское происхождение.

1. Рус. *вадега* 'глубокое спокойное место на реке между перекатами', 'залив, рукав реки', 'топкое место на болоте', 'заливной луг', *вадежка* 'глубокое место на реке', *вадьюга* 'то же', *вадога* 'залив, рукав реки'; *вада* 'болото с высоким уровнем воды, но не топкое'; *вадья* 'глубокое место на реке'¹.

Коми *вад* (*вадь-*) 'озеро; чаще лесное озеро, непроточное озеро, озеро с топкими берегами', 'заболоченное место; заболоченное озеро; болото' [КРС, 72], иж. *вадега*, уд. *вадьюга* 'заводь, тихое место в реке' [ССКЗД, 204], печ. *вадзёга*, *вёдзёга* 'глубокое место в воде' [ПД, 56].

Приб.-фин.: карел. *vadajikko*, *vadeikko* 'болотистое место, поросшее чахлыми берёзками или ивняком', ливв. *vadejikko* 'низкорослый кустарник', фин. *vataikko* 'заросли кустарника на болотистом месте' [ПФГЛ, 99].

Коми *вад* считается исконным и возводится к *ва* 'сырой, мокрый' [КЭСК, 46]. Рус. *вадья* < коми [Kalima SLR, 18; Фасмер, 1, 266]. К тому же источнику восходит и русская форма *вада*. Приб.-фин. лексемы считаются исконными и возводятся к *vadaja*, *vada* 'куст' [ПФГЛ, 99]. Возможно, лексема бытовала также в вепсских говорах в форме **vadag*, откуда, по предположению Н.Н. Мамонтовой и И.И. Муллонен, была заимство-

¹ Здесь и далее русские лексемы приводятся по данным картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета и относятся к Архангельской и Вологодской областям.

вана в архангельские и новгородские диалекты [ПФГЛ, 99]. По крайней мере, иначе сложно объяснить формы *вадега*, *вадога* и т.п. и их распространение вплоть до новгородских территорий (ср.: *вадога* 'высыхающее болото, зарастающее травой и лесом' – СРНГ, 4, 12], вопреки М. Фасмеру, который возводит эти формы к *вадьа* и соответственно к коми. В лексемах *вадега*, *вадьюга*, *вадежка*, зафиксированных в лешуконских и мезенских говорах, по-видимому, контаминируются оба источника заимствования (коми и приб.-фин.). Коми иж. *вадега*, уд. *вадьюга*, печ. *вадзёга*, *вёдзёга*, судя по финали и семантике лексем, являются обратными заимствованиями из русского [КЭСК-Д, 11].

2. Рус. *ворга* 'сырая ложбина, канава с водой, овраг', 'протока, небольшая речка, ручей', 'топкое место на болоте', 'сухая тропа на болоте', 'лесная дорога, просека', 'оленья тропа', 'борозда, тропка, оставляемая на земле зверем'; *орга* 'сырая низина; лес, кустарник в низине; покос в низине', 'овраг, ложбина; яма с водой', 'дорога через болото'. Лексема *ворга* в различных значениях широко распространена на территории Европейского Севера России, Урала и Сибири [см.: СРНГ, 5, 98–99].

Коми *ворга* 'желоб, лоток', 'русло, ложе', *ю ворга* 'русло реки', *туй ворга* 'проторённая тропа' [КРС, 122], вв., лет., нв., печ., скр., сс. *ворга* 'желоб, желобчатое углубление' [ССКЗД, 60], уд. *ворга*, *ворган* 'то же' [УД, 121], *вдргёс* 'ложбина, лощина, желоб, углубление' [УД, 124], иж. *ворга*, *вёрга* 'путь, по которому кочуют олени стада, оленья дорога, проход' [ИД, 136].

Приб.-фин.: карел. *orko*, *orgo* 'ложбина между сопками; глухой ельник на сыром низинном месте', ливв. *orgo* 'низина (сырая)', люд. *org* 'низкое сырое место, поросшее лесом', *orgiine* 'родниковый ручей', фин. *orko* 'низина, овраг' [ПФГЛ, 68].

Прибалтийско-финское слово необъяснимо на финно-угорской почве и, видимо, восходит к какому-то субстратному источнику¹. Рус. *орга* < приб.-фин. [Kalima, 170; Фасмер, 3, 149]. Вопрос о происхождении коми и русского *ворга* окончательно не решен. По мнению Калимы, севернорусское *ворга* также восходит к приб.-фин. *orgo*, *orko* с возникшим на русской почве протетическим *в-* [Kalima, 170]. В другой своей работе Калима с сомнением связывает это русское слово с коми [Kalima SLR, 20–21]. Скорее всего лексема имеет своим источником вымерший язык, близкий к прибалтийско-финским, либо какой-то иной субстратный язык, возможно тот же, что и для прибалтийско-финских языков. Коми лексема не считается исконной и, по мнению авторов КЭСК, не может быть связана с коми *вор* 'корыто' [КЭСК, 63]. Как предполагает А.К. Матвеев, слово проникло в коми язык или непосредственно из прибалтийско-финских языков, или, что вероятнее, через русское посредство (в пользу этого протетический *в-*)². Семантика русского *ворга*, распространённого на прилежащих к коми территориях, сложилась под обратным влиянием значения коми лексемы (см. значения 'тропа', 'дорога'). В Лешуконском районе Архангельской области, где сосуществуют *ворга* и *орга*, происходит контаминация значений (см. *орга* 'оленья тропа').

3. Рус. *едома* 'возвышенность, гора; лес на горе, возвышенности', 'высокий обрывистый берег, часто заросший лесом', 'округа, окрестности', 'поляна, поле в лесу', 'окраина, опушка леса', 'большой густой лес, лесная глушь', 'дальние лесные угодья', 'всякая отдалённая от селения местность', 'куст деревень', 'угодья, которые дают людям пропитание', 'охотничьи угодья', 'место стоянки оседлых ненцев', 'оседлые ненцы, не

¹ См.: Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Hungaricae. Т. 14, f. 3–4. Budapest, 1964. С. 291.

² Там же.

занимающиеся выпасом оленей'. Слово в указанных значениях распространено на восток вплоть до Камчатки [см.: СРНГ, 8, 323].

Коми иж. *едэма* 'болотистое место' [ССКЗД, 118], уд. *йэдама* 'дальний лес, глухой лес' [УД, 166].

Приб.-фин.: соответствующая прибалтийско-финская лексема не зафиксирована, однако ср. карел. *edä-* (ср. *edäheäddä* 'издалека', *edädhä* 'далеко'), вепс. *ed-*, *eda-* (ср. *edahaks* 'далеко', *edahaine* 'дальний, далекий, отдаленный') [SKES, 42] + вепс. *ma*, карел.-ливв., люд. *тоа*, *туа* 'земля, поле, местность' [SKES, 324].

Я. Калима и М. Фасмер считают русское слово неясным по происхождению [Kalima, 81; Фасмер, 2, 9]. Наиболее убедительная этимология представлена в работе Л.А. Субботиной: русская лексема прибалтийско-финского происхождения, восходит к сложному слову, состоящему из двух корней, с предполагаемым значением 'дальняя земля', которое на русской почве дает также 'возвышенный (т.е. далекий, потому что высокий) берег реки'¹. Коми < рус., на что указывают отсутствие объяснения слова на почве коми языка, ограниченность ареала, находящегося в непосредственной близости с русскими мезенскими и лешуконскими говорами, идентичность значения.

В мезенских говорах семантика русского *едома* трансформировалась под влиянием близкого по звучанию ненецкого слова *ёда''ма* 'насиженное место', восходящего к глаголу *ёда(сь)* 'привыкнуть (к какому-либо месту); освоиться' [НПС, 117]. Результатом контаминации явились значения 'место стоянки оседлых ненцев', 'оселые ненцы, не занимающиеся выпасом оленей'.

4. Рус. *кара* 'залив, заводь на реке или озере', 'глубокое место в реке или озере', 'поворот реки', 'извилистый берег'; *кора* 'залив в реке или озере'.

Коми уд. *кар* 'возвышенная материковая территория возле залива, бухты' [УД, 170].

Приб.-фин.: вепс. *kar*, *kara* 'небольшой залив, бухта' [СВЯ, 179].

Рус. *кара* < приб.-фин. (вепс.) [Kalima, 104]. Л.А. Субботина, учитывая приводимое Я. Калимой [Kalima, 47] соответствие фин. *a* ≈ рус. *о*, к тому же источнику возводит рус. *кора*². Коми < приб.-фин. (вепс.), на что указывает консонантный финал лексемы. С приведенными словами, возможно, связано нен. *хэра* 'изгиб, извилина; зигзаг, поворот (напр. реки, дороги)' [НПС, 745], которое этимологически не разработано. По крайней мере, близость фонетики и семантики очевидна.

5. Рус. *курья* 'речной или озёрный залив, заводь (нередко узкой, вытянутой формы)', 'глубокое место, яма в реке или озере; яма, заполненная водой', 'старица реки', 'небольшое озеро, как правило, сточное', 'рукав реки, проток; рукав болота'; *курга* 'речной залив', 'яма, омут в реке', *курьга* 'старица реки'. Слово *курья* имеет множество дериватов. Лексема в различных значениях широко распространилась на восток и фиксируется на территории Перми, Урала и Сибири [см.: СРНГ, 16, 151–152].

Коми повс. *куръя* 'заводь, залив (в реке или на озере)' [КРС, 338; ССКЗД, 181].

Приб.-фин.: карел. *kuro* 'узкая лощина, ложбина между сопками', фин. *kuru* 'длинная узкая лощина; овраг; промоина; бухта' [ПФГЛ, 47].

Русское и коми слово не имеют удовлетворительной этимологии. Я. Калима считает русское слово заимствованным из коми [Kalima SLR, 29], однако это не объясняет всех значений русского слова и его распространения. По другой концепции, которая

¹ Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984. С. 49.

² Там же. С. 42.

наиболее правдоподобна, коми < рус. [WU, 128]. По версии А.К. Матвеева, источником русского слова явилась лексема какого-то вымершего финно-угорского языка, состоящая в родстве с приведенными прибалтийско-финскими словами¹. Формы *курга* и *курья* при этом восходят к разным языкам². Русская лексема, вероятно, послужила источником нен. *хур* "курья" [НРС, 785].

6. Рус. *лайда* 'побережье, приречная песчаная мель', 'прибрежное низкое болотистое место, заливной луг; заросший, высохший водоем', 'окно воды в болоте, топкое место на болоте'. Лексема фиксируется в русских говорах Сибири вплоть до Тихого Океана [см.: СРНГ, 16, 247–248].

Коми вым., иж., нв., скр., уд. *лайда*, уд. *лайдов* 'понижение, низина, продолговатая впадина', уд. *лайдаа-лайдаа*, *лайдола-лайдола* 'низменный, с продолговатыми впадинами (о месте)' [ССКЗД, 192].

Приб.-фин.: фин. *laita*, *laitu*, *laito* 'низкий (вода, берег)', эст. *laid* 'подводная скала, риф, каменистый островок, песчаная мель' [ПФГЛ, 49–50].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 148; SKES, 270–271; Фасмер, 2, 450]. Отсутствие параллелей в современных карельском и вепсском языках заставляет предполагать для русских лексем субстратный источник прибалтийско-финского типа. Коми < рус., в пользу чего география коми лексемы (западные и северные диалекты коми языка).

7. Рус. *лахта* 'небольшой морской залив (обычно мелководный)', 'залив в реке или озере', 'окно воды в болоте или среди луга', 'небольшое озеро, заросшее травой', 'топкий берег озера, реки', 'низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником', 'сенокосная пожня, вдающаяся в лес'; *лахтина* 'залив в реке или озере', 'небольшое озеро, заросшее травой', 'топкий берег озера, реки', 'сенокосная пожня, вдающаяся в лес', 'болотистая низина'; *лафта* 'заливной луг', 'рукав пожни'; *лакса* 'залив', 'заболоченное место'; *лохта* 'залив', 'заболоченный берег озера', 'сырой покос по берегу озера или по краю болота'. Приведенные лексемы имеют развернутый ряд словообразовательных производных с той же семантикой. Слово *лахта* встречается также в новгородских говорах и на территории республики Коми [см.: СРНГ, 16, 296–297].

Коми иж. *лахта* 'речной залив'³, уд. *лакта* 'низменность, сырой кочковатый луг' [УД, 189].

Приб.-фин.: карел. *lakši*, *laksi*, *lahta*, олон. *lahti*, люд. *laht*, *laht'i*, вепс. *laht*, *laks*, фин. *lahti*, *laksi*, *laaksi* 'залив' [SKES, 296], вепс. *laht* 'залив', 'заболоченная часть озера', 'низкий берег озера или реки, заливаемый водой во время половодья' [СВЯ, 271], *laks* 'ложбина, овраг', 'низина' [СВЯ, 273].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 151; SKES, 296]. По мнению Калимы, рус. *лахта* вепско-карельского происхождения в дальнейшем послужило источником для обратного заимствования (> карел. *lahta* 'залив') [Kalima, 151]. Семантика слова в большей степени объяснима из вепсского языка. Вариант *лохта*, зафиксированный только в материалах Топонимической экспедиции Уральского университета, А.К. Матвеевым возводится к тому же источнику и отражает более древнее соответствие приб.-фин. *a* ≈ рус. *о*⁴. Форма *лакса* –

¹ См.: Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. С. 27.

² См.: Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 9.

³ Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1972. С. 153.

⁴ Подробнее см.: Матвеев А.К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // Сов. финно-угроведение. 1968. № 2. С. 121–126.

заимствование из вепсского или карельского языков. Коми < рус.¹ Передача рус. х через к в удорском *лакта* типична для коми языка, в котором нет исконного х.

8. Рус. *мяндак* 'плохой сосновый лес'; *мяндач* 'сосновый лес', 'плохой нестройной низкорослый лес'; *мендач* 'сосновый лес', 'низкорослый лес, растущий в сырых местах'. Лексемы широко распространены (см.: [СРНГ, 18, 107]).

Коми вв., вым., л., лет., нв., печ. *мандач*, вс. *мендач* 'сухая на корню, рыхлая, редкослойная, с толстой заболонью, болотная сосна' [ССКЗД, 217], 'болотный сосняк' [КЭСК, 170].

Приб.-фин.: карел., ливв. *mänikkö*, люд. *mändik, mändac* 'сосняк' [ПФГЛ, 61–62].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 170–171; Фасмер, 3, 30]. Коми < рус. [Kalima, 171; КЭСК, 170], на что указывает коми а в соответствии с приб.-фин. ä, рус. 'а, а также коми е в первом слоге, отражающее переход 'а > е в предударном слоге в севернорусских говорах.

9. Рус. *павна* 'поросшая травой болотистая местность'. Ср. в новгородских говорах: *павна* 'топкое болото' [СРНГ, 25, 111].

Коми вым., уд. *паун*, уд. *паум* 'лесной луг, открытое место в лесу, заросшее редким березняком, можжевельником' [ССКЗД, 277].

Приб.-фин.: фин. *раипа* 'лужа', эст. *раип* 'яма с водой' [Kalima, 177], фин. *раипа* 'лужа, яма с водой', *раипи, раипи* 'пруд, лужа', карел.-люд. *раип* 'поросшее травой место', *раип* 'яма с водой' [SKES, 507].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 177; SKES, 507; Фасмер, 3, 182]. Слово является исключительной принадлежностью Европейского Севера России, за пределами территории не фиксируется. Коми < приб.-фин. [КЭСК, 217]. В пользу прямого заимствования отсутствие конечного -а в коми лексемах, сохранение гласного у в соответствие с приб.-фин. и в противопоставление рус. в.

10. Рус. *согра* 'сырая низина, болотистое место, часто поросшее невысоким, сучковатым лесом'; *согра* 'то же'; *сорга* 'то же'; *чагра* 'то же', 'бурелом, чаща'; *шогра* 'топкое место, поросшее мелким лесом', 'труднопроходимый лес, бурелом'; *шорга* 'сырое болотистое место'; *шохра* 'болотистое место', 'чаща, бурелом'. Лексемы имеют множество дериватов. Слово распространилось на восток вплоть до регионов Сибири [см.: Даль 4, 259].

Коми нв., уд. *сöгра*, вым., иж. *согра* 'болотистое кочковатое место с корявым ельником, согра', нв., уд. *сöгра няйт*, вым. *согра няйт* 'сплошная грязь' [ССКЗД, 344], печ. *чагра* 'дикое место, поросшее кедровым лесом' [ССКЗД, 403], 'чаща, густой непроходимый лес' [ПД, 107].

Приб.-фин.: вепс. *sohring* 'болотина (заболоченное место)' [СВЯ, 517].

Относительно происхождения приведенных русских диалектизмов высказывалось множество точек зрения. М. Фасмер совершенно справедливо отклоняет версию Я. Калимы о связи рус. *согра* с *сдьра (ср. *содера* 'мелкий болотистый лес') по причине невыводимости отсюда форм на ш- и звука -г- [Фасмер, 3, 706]. Колебания в фонетике русских диалектных слов (инициальное с-/ш-/ч-, в вокализме первого слога -о/-а-, интервокальная группа -гр-/рг-/хр-), невозможные на русской почве, указывают на неисконный, заимствованный характер лексемы. Перечисленные фонетические корреляции свидетельствуют в пользу финно-угорского происхождения русских диалектных слов. Со-

¹ См. об этом: *Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. С. 153.

ответствие прибалт.-фин. *s* ≈ марийск. *š* ≈ саам. *c*¹ позволяет объяснить колебания в начальном консонантизме. Чередование *-o/-a-* широко представлено в финно-угорской по происхождению лексике и топонимии Русского Севера². Метатеза *-ap- > -pa-* в интервокальной группе в виде рефлексов представлена в современных волжских языках³. Большую сложность вызывает тот факт, что в русских диалектных лексемах представлено несоответствие черт вокализма и консонантизма в соответствии с определёнными группами финно-угорских языков. Так, О.В. Востриков отмечает, что форма *чагра* имеет консонантизм, близкий к саамскому языку, а вокализм – прибалтийско-финского типа, поскольку именно в прибалтийско-финских языках древнее *o* могло переходить в *a*⁴. Выяснение этимологии приведенного гнезда русских лексем, при безусловности их финно-угорского происхождения, осложнено тем, что пока не найдены в современных финно-угорских языках конкретные этимологические параллели. Авторы КЭСК предполагают возможность заимствования русского диалектного *согра* из коми [КЭСК, 259], что вероятно по ряду причин: коми *сõгра, согра* не имеет удовлетворительной этимологии на почве коми языка, чередование в коми *õ/o* характерно для заимствований из русского языка, предполагаемое заимствование из коми не объясняет географии русских лексем. Таким образом, наиболее вероятно обратное направление заимствования: из русского в коми, в пользу этого свидетельствует распространение коми лексемы на западе и северо-западе коми территории, на непосредственных границах с диалектами Русского Севера.

Вепс. *sohring*, имеющее крайне ограниченный ареал (село Пондала Вологодской области), даже в силу географических причин не может служить источником русского *согра*. По мнению И.И. Муллонен, следует также отклонить версию о заимствовании вепсской лексемы из русского языка. На это указывает «отсутствие в смежных русских говорах фонетического варианта с фрикативным *-x-* (*-xp-*), распространенным южнее ... оформление основы *sohr-* ... специфическим малопродуктивным суффиксом *-(i)ng*, присоединяющимся в вепсском к этимологически неясным основам ... и, видимо, субстратным топонимам». На неприбалтийско-финские истоки вепсского слова указывают также несвойственное вепсским говорам сочетание *-hr-* и узкий географический ареал. По мнению исследовательницы, источником вепсской лексемы являлся язык, занимавший промежуточное положение между волжско-финскими, саамским и прибалтийско-финскими языками⁵.

Таким образом, вепс. *sohring* и рус. *согра* (а также другие лексемы гнезда) имеют субстратное происхождение и восходят к какому-то вымершему языку (языкам) финно-угорского типа, в своей фонетике объединявшему черты современных прибалтийско-финских и саамского языков, с одной стороны, и волжско-финских языков, с другой.

11. Рус. *сузём* (уменьш. *сузёмок*) 'большой, густой, отдаленный от населенных мест лес', 'непроходимый лес', 'заболоченный участок леса; болотистое место, поросшее де-

¹ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 122.

² См.: Матвеев А.К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия... С. 121–126.

³ См.: Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970. С. 558.

⁴ См.: Востриков О.В. Субстратная географическая терминология в русских говорах Волгс-Двинского междуречья // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 78.

⁵ См.: Муллонен И.И. Субстратные элементы в лексике вепсского языка // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго научного совещания. Екатеринбург, 1996. С. 34–35.

ревями, кустарником', 'дальний покос в лесу'. Слово распространилось вплоть до Сибири (см.: [Даль, 4, 357]).

Коми л. *сузьом* 'тёмный, дремучий лес', нв. *сузем* 'даль' [ССКЗД, 349], иж. *суз'имка* 'место зимовки оленей' [ИД, 215].

Приб.-фин.: фин. *systä* 'лесная глушь; сплошной удаленный лес' [Kalima, 221].

Я. Калима считает русское слово заимствованным из прибалтийско-финских языков и подвергшимся на русской почве воздействию народной этимологии с вычленением префикса *су-* и корня *-зём* [Kalima, 221–222]. Близость значений русского и финского слов при трудностях объяснения семантики на русской почве в пользу этой этимологии. Коми лексемы, безусловно, заимствованы через русское посредство, поскольку отражают фонетику русского оригинала [КЭСК, 265].

12. Рус. *тайбала* 'дальний, дремучий лес', 'заболоченный лес', 'зимник'; *тайбало* 'дальний, дремучий лес', 'болотистое место'; *тайбол* 'дремучий лес'; *тайбола* 'расстояние в тайге между селеньями', 'дальняя дорога, тропа (через лес, болото)', 'дальний дремучий лес', 'болотистое место', 'поляна'.

Коми иж., уд. *тайбала* 'обширные лесные пространства с проложенной через них дорогой, где, кроме станций и лесных избышек, нет никакого жилья', печ. 'горная лесная глушь' [ССКЗД, 363], иж. *тайбала* 'промежуток пути в лесу между привалами (6–7 км.)' [ИД, 220].

Приб.-фин.: карел., ливв., люд. *taival*, *taibal*, *taibaleh* 'путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности); перешеек между двумя водоемами', 'полоса земли; участок покоса', фин. *taipale*, *taibal* 'путь, расстояние; переход (часто долгий по необжитой местности); узкий перешеек между водоемами; волок' [ПФГЛ, 93–94].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 223; Фасмер, 4, 12]. В русских говорах фиксируются как значения, близкие к прибалтийско-финским ('расстояние в тайге между селеньями', 'дальняя дорога, тропа'), так и производные от них на русской почве ('дальний дремучий лес', 'заболоченный лес'). Коми < рус. [WU, 270; КЭСК, 277].

О. В. Мищенко

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Для современной семантики подход, связанный с реконструкцией и анализом семантических систем бесспорно является актуальным, поскольку выводит к решению целого ряда глобальных лингвистических проблем, таких, как выявление фрагментов понятийной сетки носителя языка, экспликация отраженных в языке представлений о членении действительности, реконструкция на базе языковых данных картины (модели) мира, типологическое сравнение языков (а отсюда – моделирование древних семантических систем, являющееся одной из составляющих этимологических исследований), исследования в области взаимодействия языков и др.